

А. В. АРЦИХОВСКИЙ
ОТВЕТ Б. А. РЫБАКОВУ

Спор о новгородской хронологии продолжается¹. Хронология эта важна для всех археологов-медиевистов, а поднятые вопросы методики интересны, мне кажется, для всех археологов вообще. Обсуждение этих вопросов представляется мне еще более важным делом, чем обсуждение новгородских дат.

В новой статье Б. А. Рыбаков не отвечает ни на одно из основных возражений, содержащихся в моей статье 1959 г. Он даже обходит молчанием все мои соображения о новгородской стратиграфии, хотя в новой своей статье он прежде всего занят критикой этой стратиграфии. Много можно привести и других примеров умолчания, но надо начать с хронологической методики. Статья Б. А. Рыбакова 1959 г. в главной своей части была посвящена хронологическим методам (в полном соответствии с ее заглавием). Я в своем ответе эти методы критиковал. Вся эта критика оставлена без ответа. Мне тогда пришлось подробно доказывать недопустимость датировок по пожарам (они были основой хронологии Б. А. Рыбакова), проверять сопоставления крупных пожарищ с сильными пожарами, возражать против распределения срубов по периодам расцвета и упадка Новгорода, показывать в ряде кривых неимоверные скачки, к которым приводит хронология Б. А. Рыбакова, разбирать выводы, сделанные по свинцовым печатям, и т. д. Я не касаюсь второстепенных вопросов, называю лишь важные. Ответов нет, и перечисленные умолчания взаимосвязаны по смыслу.

1. Пожары и хронология. Интересно новое отношение Б. А. Рыбакова к пожарам, к этой основе его хронологии. Неоднократно цитируя мои ему по этому поводу упреки, он пишет теперь вот что: «Невольно начинаешь думать,— а не перепутал ли автор-редактор меня, Б. А. Рыбакова, с моим тезкой Б. А. Колчином. Ведь не я, а Б. А. Колчин и сам А. В. Арциховский ввели датировку по сопоставлению археологических пожарищ с летописными записями» (стр. 158). Дальше сказано: «А. В. Арциховский вдруг вспомнил о том, что им не доказана самая допустимость сопоставления пожарищ с летописными пожарами, и он обвинил в этом не кого-либо иного, а опять меня» (стр. 160).

Итак, Б. А. Рыбаков пытается приписать свой главный методический прием Б. А. Колчину и мне. Но ведь Б. А. Колчин построил свою хронологию на других основаниях (по моему мнению — на археологических находках, по мнению Б. А. Рыбакова — на средних цифрах) и только для ее уточнения «подобрал» (снова употребляю это мое выражение, которое так любит цитировать Б. А. Рыбаков) несколько пожаров. Такой подбор (хотя тоже неправилен) менее ошибочен, чем метод Б. А. Рыбакова, по-

¹ Напечатано три статьи: 1. Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4 (ссылаюсь ниже сокращенно — Р., цифры означают страницы); 2. А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4 (ссылаюсь ниже сокращенно — А., цифры означают страницы); 3. Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии? СА, 1961, № 2 (ссылка на страницу без дальнейших указаний относится к этой статье).

строившего на пожарах все. Я однажды одобрил данный прием Б. А. Колчина и потом признал эту свою ошибку. Во всех своих книгах о берестяных грамотах я никогда не пользовался пожарными датами, а сознательно приводил только даты, полученные без всякого уточнения по пожарам.

А мой критик (и только он) сделал пожары основой своей хронологии. Цитат можно привести сколько угодно. Например, вот как приступает Б. А. Рыбаков к построению хронологии: «Записи новгородских летописцев XII—XV вв. о пожарах являются драгоценным историческим источником, с помощью которого можно предпринять попытку установления более точной хронологической шкалы ярусов, чем это позволяет сам археологический материал» (Р., 95). Ниже я еще коснусь этой принципиальной недооценки археологического материала. Но после цитированной декларации Б. А. Рыбаков, руководясь ею, действительно строит хронологию слоев только по летописным пожарам, непосредственно связывая их с пожарищами. Конечно, он дальше пытается эту хронологию проверить на иных материалах, но ведь это только проверка. Характерно и то, как он об этом говорит: «Итак, с предложенной мною новой схемой сопоставлений летописных пожаров и пожарищ совпали...» (Р., 99). Дальше перечислено пять совпадений; все они, как я показал, мнимые.

Б. А. Рыбаков даже приписывает мне «попытку объявить» его «ответственным за неудачный колчинский спектр пожаров» (стр. 162). Такой попытки у меня быть не могло. Я тогда три раза объяснил (А., 110—112), что Б. А. Колчин и Б. А. Рыбаков использовали пожары различно. Нельзя было этого не заметить. Мой критик заявляет теперь что я «не дал ни одной фактической поправки к списку пожарищ», а также к списку пожаров (стр. 158). Зачем я должен был давать такие поправки, если я вообще отрицаю датировки по пожарам. Я подробно доказываю недопустимость таких датировок (приведено три причины; А., 111), но Б. А. Рыбаков мне на это не отвечает.

Б. А. Рыбаков в своем ответе пишет даже (стр. 158), что его статья была посвящена критике моих работ, а я усмотрел в ней «выписывание летописных дат пожаров и безнадежные усилия связать эти даты с пожарищами». Да, критических замечаний в мой адрес там было много, я на них на все ответил. Но я думал, что автор не ограничивается голой критикой, а пытается (беру эти слова из заглавия его новой статьи) «внести новое в науку».

Мой критик утверждает, будто я даже в 1959 г. применял хронологию, основанную на пожарах. Понять это невозможно. Остается предположить, что он имеет в виду мои ссылки 1959 г. на хронологическую шкалу Б. А. Колчина и ее использование в диаграммах. Но ведь эта шкала была построена не на пожарах. Пожары дали лишь неудачные уточнения (до дня и часа), которые не были приняты во внимание при построении диаграмм. Напрасно мой критик говорит, будто я «даже» не сказал, как быть с этими датами «до дня и часа» (стр. 157). Я об этом сказал (А., 110, 112).

Упомянутые таблицы были построены, чтобы графически показать, к чему приводит хронология Б. А. Рыбакова. Для этого надо было повсюду проводить две кривые: одну — по Б. А. Рыбакову, другую — по нашей старой хронологической шкале. Пусть она теперь исправляется, она и раньше давала нормальные кривые распределения вещей. А кривые, проведенные по Б. А. Рыбакову, графически показали неприемлемость самого принципа построения его хронологии. Как я в свое время писал, они состоят «из резких скачков вверх и вниз, каждый из которых легко объясняется, но лишь стремлением автора привязывать хронологию к пожарам» (А., 118).

Но, конечно, слова Б. А. Рыбакова, будто хронология Б. А. Колчина основана на пожарах, противоречат содержанию обеих его собственных статей. Ведь он и теперь подробно доказывает, что эта хронология всецело основана на средних цифрах, на формуле 15 : 3 = 5.

Он упрекает меня в том, что я на такую его аргументацию в свое время не ответил (стр. 149). Нет, я в статье 1959 г. ответил на все доводы моего критика, в том числе и на этот (А., 110).

Но сейчас стал возможен еще один ответ. Я пишу настоящую статью, уже имея перед собой даты, полученные путем дендрохронологического анализа, организованного Б. А. Колчиным с группой ботаников. Статистические основания достаточны, изучено около 1350 бревен. Публикация дат будет сопровождена полной ботанической аргументацией. Она готовится и вскоре появится. Могу только сказать, что полученные даты отличаются от старой хронологии Б. А. Колчина и моей, а также от хронологии нашего критика.

И вот, хотя Б. А. Рыбаков считает невероятными совпадения цифр (по 5 ярусов на 100 лет), совпадения эти подтверждаются ботанически. На 100 лет и здесь пришлось по 5 ярусов. Разные ярусы имели разную длительность существования, но различия эти обычно не так велики, а средние вековые величины совпадали.

Дендрохронология подтвердила неприемлемость хронологии, основанной на пожарах и их летописных датах. Конечно, с этими датами точно совпадали некоторые ботанические даты пожарищ. Иначе и не могло быть, это только показало еще раз надежность нового метода. Но тем интереснее, что ботанические даты некоторых пожарищ (в том числе крупных) далеко отстоят от всех летописных дат, хотя относятся к тем же векам. Перед нами пожары местного значения, а они в летопись не заносились, о чем я в свое время писал (А., III, «первая причина»). Встречены и несовпадения иного рода. Б. А. Рыбаков перечислил в статье 1959 г. летописные пожары, сжегшие, по его мнению, дома в районе раскопок. Дендрохронология доказала, что не все они соответствуют пожарищам. Как я утверждал (там же, «вторая и третья причины»), это неизбежно.

2. Хронологическое значение вещевых находок. Все археологи всех специальностей, конечно, удивлены недоверием археолога Б. А. Рыбакова к датам, основанным на вещах. Он провозглашает это много раз, он заявляет даже, что эти даты отражают лишь «мнения археологов». «А это,— продолжает он,— разумеется, величина условная, зависящая от субъективных оценок» (стр. 146).

Нет, все люди нашей специальности знают примеры объективной проверки дат. Во всех разделах археологии (первобытной, античной или средневековой одинаково) датировочные наметки тысячи раз подтверждались (или опровергались) новыми массовыми находками датирующих вещей. Объективность вносит здесь статистика (и только она).

В моей статье 1959 г. приведены кривые, показавшие на основе статистики датировочные ошибки Б. А. Рыбакова. В послесловии к своей первой статье он почему-то заявил: «Почти весь иллюстративный материал моего оппонента я с удовольствием включил бы в свою статью» (Р., 106). В чем же состоит это его удовольствие? Он пишет теперь об этих кривых: «четыре графических схемы, из которых ясно только одно: а) стеклянные браслеты встречаются в 14 ярусах на протяжении 300 лет», и т. д. и т. д. Всюду он зачем-то выписывает только даты появления и исчезновения вещей, т. е. превращает кривые в прямые. Между тем из кривых, т. е. из статистики, ясно многое другое, что в 1959 г. мне разъяснено (А., 116—119).

Свой вещевой хронологический график (рис. 3 в статье 1959 г.) мой критик составил не из кривых, а из прямых. Ему там все равно, в одном экземпляре встречена датирующая вещь или в нескольких тысячах (примеры я приводил и приведу). Такое отношение к цифрам полностью обесценивает график Б. А. Рыбакова, не говоря об ошибках, отмеченных в моей первой статье.

Напрасно он теперь говорит: «Мой оппонент пытается изобразить дело так, что будто бы график составлен мною для установления точных дат, и

он тратит 7 страниц своего текста на опровержения... Неверно! В том-то и дело, что график составлен для проверки того, может ли массовый археологический материал при данном состоянии его изученности служить основой для точной шкалы» (стр. 146). Да, это была одна из целей Б. А. Рыбакова, о ней сейчас тоже идет речь. Однако была ведь и другая цель. Как выше говорилось, Б. А. Рыбаков утверждал в своей первой статье пять способов проверки своей пожарной хронологии. Один из них, пятый, он сам тогда признал важнейшим: «б) очень важно отметить, что новый вариант хронологии хорошо вписывается в широкие рамки массового археологического материала и на хронологическом графике (рис. 3) найдет свое место на нижней границе появления вещей, что наиболее логично» (Р., 99). Тогда это было «очень важно», а теперь отрицается на-чisto.

Я говорил в 1959 г. о недопустимой дате, принятой Б. А. Рыбаковым для калачевидных кресал. Теперь он пишет: «Датировка новгородских калачевидных кресал взята мною у Б. А. Колчина, который ссылается на А. А. Спицына: „Калачевидные кресала (огнива) встречаются исключи-тельно в курганах XI—XII вв.“» (стр. 146). Но ведь за этой фразой в цити-руемой статье Б. А. Колчина непосредственно следует фраза: «Такие же кресала известны в Гнездовских курганах»². Можно заключить, что Б. А. Рыбаков в 1959 г. относил Гнездовские курганы к XI в. Надо отме-тить, что ни у Б. А. Колчина, ни у А. А. Спицына здесь нет ошибки, ведь ссылка дана на его книгу о курганах, раскопанных Л. К. Ивановским, где X в. не представлен.

И напрасно Б. А. Рыбаков уверяет теперь: «Гнездовские курганы X в., не учтенные мною, при этом ничего существенного не изменят, а только сдвинут на графике примерный рубеж столетий, сделав его еще более условным» (стр. 146). Нет, как я показал в своей статье, изменение даты кресал удревнило бы ярусы в хронологической схеме автора (А., 115).

Большое внимание в своей первой статье я уделил разбору дат, кото-рые Б. А. Рыбаков употребил для стеклянных браслетов. На кривую моего графика он не ответил, хотя она показала в ряде мест неприемлемость его выводов (о чем не раз сказано и в тексте). На другие возражения по этому вопросу он отвечает.

Свою раннюю дату этих браслетов, конец X в., он отстаивает следую-щим образом: «Отвечу очень просто: ни А. В. Арциховский, ни Б. А. Кол-чин, ни я не отделяли византийских (или корсунско-тмутараканских) брас-летов от собственных русских. Это стало возможным лишь недавно, только после специальных химических анализов проф. М. А. Безбородова, про-долженных затем Ю. Л. Щаповой» (стр. 160). Это что-то слишком «про-сто». Ведь работы М. А. Безбородова опубликованы еще в 1950 г. и наибо-лее подробно — в 1956 г., а статья Б. А. Рыбакова, о которой идет речь, написана и напечатана в 1959 г. С работами Ю. Л. Щаповой он тоже знакомился до написания своей статьи. А типологические особенности встречающихся в наших ранних слоях византийских браслетов (уплощен-ность, узор на поверхности) задолго до того были известны, и я о них в своей статье говорю.

Я в 1959 г. всячески подчеркивал, что речь идет о «дате массового рас-пространения и русского производства» стеклянных браслетов (А., 117). Однако Б. А. Рыбаков опять говорит об единичных находках византий-ских браслетов X в., значение которых равно нулю. Надо говорить о ты-сячах находок русских браслетов XII, XIII и начала XIV в.

Мною показана в свое время и невозможность предложенной моим критиком поздней даты стеклянных браслетов (конец XIV в.). Теперь

² Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 126.

он заявляет: «Верхняя дата дана по А. В. Арциховскому, отнесшему курганы в Мякинине и в Филях к III стадии, т. е. к XIV веку... А. В. Арциховский попал в столь неудобное положение, назвав фантастическими свои собственные датировки» (стр. 161). Нет, в неудобное положение попал не я, а мой критик. Ведь он теперь печатно признался, что, вопреки мнению всех археологов, вопреки массовым находкам, довел дату стеклянных браслетов до конца XIV в. (и использовал это для общих хронологических выводов в своем графике), опираясь лишь на два экземпляра, отнесенных притом просто к XIV в. Он опять не видит, что значение двух находок для такого вывода равно нулю. Изданые мною цифровая таблица и кривая показали (А., 116—117), что массовое распространение стеклянных браслетов захватывает лишь начало XIV в., а в середине XIV в. они вообще исчезают.

Я отметил в своей статье, что лимоновидные бусы, датируемые X в. и, самое позднее, началом XI в., по хронологии Б. А. Рыбакова захватывают весь XI и начало XII в. В своем ответе он иронизирует: «Да, мое преступление очень велико: 5 лимонных бусин 23-го яруса и 1 бусина 22-го яруса действительно заходят по моей хронологии в первую треть XII в.» (стр. 161). Цифры неверны. В моей статье показано (А., 116 и 120), что хронологию Б. А. Рыбакова нарушают 32 бусины 25-го яруса, 15—24-го, 13 (а не 5) —23-го. В 22-м ярусе их действительно мало, однако, как я писал, не 1, а 4; но этот ярус, хотя и входит еще в кривую, не имеет для меня значения, что ясно из той же кривой.

Затем Б. А. Рыбаков говорит о находках отдельных бус этого типа в слоях XII в. В указанном им месте в статье Ю. Л. Щаповой названы находки в 20-м и 15-м ярусах³. По нашей старой хронологии это рубеж XI—XII вв. и рубеж XII—XIII вв. (В 21-м, 19-м, 18-м, 17-м и 16-м ярусах этот тип не был представлен вовсе). Подобные единичные бусы того же типа встречены в отдельных ярусах и выше (даже в слоях XV в.). Эти находки (с большими хронологическими разрывами) никак не могут быть включены вообще в кривую, тем более в нормальную кривую, отражающую применение этих бус в ожерельях, а не случайные попадания в поздний слой из перекопов. Здесь опять проявилось обычное отношение моего критика к статистике. Ю. Л. Щапова в указанном месте пишет: «Начало XI в., первые два десятилетия его,— период доживания этих форм, а затем они полностью и бесследно исчезают». Б. А. Рыбаков говорит о моей «филиппике по поводу пяти бусин» (стр. 161). Не пяти, а шестидесяти (беру 25-й, 24-й и 23-й ярусы).

Дальше речь идет об арбалетных стрелах. Я в статье 1959 г. ссылаюсь на А. Ф. Медведева, показавшего, что в Новгороде по нашей хронологии они распространялись с середины XII в., а это исторически объясняется хорошо. Б. А. Рыбаков ссылается на ту же статью А. Ф. Медведева и цитирует оттуда: «широкое распространение самострелов относится к XIII—XV вв.» Он заявляет, что этот автор «делает вывод, с точки зрения А. В. Арциховского, еще более невероятный» (стр. 161). Но ведь непосредственно перед цитируемой фразой у А. Ф. Медведева стоит такая фраза: «Судя по хорошо датированным слоям, время появления арбалетных стрел, а, следовательно, и самострелов — XII в.»⁴. Я ничего иного и не утверждал.

Я разобрал примеры, на которых Б. А. Рыбаков обосновал свое заявление, что часть дат (которые я опровергаю) «взята у самого А. В. Арциховского, а часть у его учеников, пишущих под его редакцией» (стр. 163).

3. Стратиграфическое значение планов. Б. А. Рыбаков замалчивает мои наиболее важные возражения, притом не только по вопросам, связанным с его хронологией, но и еще по одному, очень важ-

³ Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 174.

⁴ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 149.

ному. Большое место в обеих статьях 1959 г. занимал спор о стратиграфической аргументации. Я доказывал, что в Новгороде (как и в других поселениях с обильными остатками построек) основой стратиграфии являются не профили, а сменяющие друг друга планы. Профили (а мы их чертим много) служат лишь дополнительными аргументами. Самое главное — прослеживать взаимную связь сооружений, настилов и прослоек, которые сплошь покрывают раскоп, это и позволяет устанавливать ярусы. Профиль ведь дает стратиграфию только тех наслоений, которые попали на условную линию разреза. А план — всех.

Примерно 35 лет назад среди ленинградских археологов шел спор о стратиграфическом значении планов. А. А. Миллер отрицал это значение, признавая только профили. Б. В. Фармаковский доказывал, что стратиграфия в известных условиях может быть основана на планах. Специфика культурного слоя античных городов это всецело оправдывала. Стратиграфии античных городов я в связи с этим касался в статье 1959 г. (А., 109). Б. А. Рыбаков в новых условиях продолжил неправильную линию А. А. Миллера.

Мой критик не пытается опровергать мои стратиграфические соображения, он опять заявляет: «Доказательством могут быть только графические профили» (стр. 144). Он требует от Новгородской экспедиции «специально оставляемых для стратиграфического анализа перемычек (бровок) внутри раскопов». (стр. 144). Бровки несколько увеличили бы число условных линий разреза. Но зато они сделали бы невозможным полное изучение планов построек и настилов, они запутали бы связи между ними, хорошо прослеживаемые не по вертикалям, а по горизонтальным (что тоже входит в статиграфический анализ). Ведь раскоп был бы разбит бровками на мелкие кусочки. Целостное исследование срубов стало бы немыслимо, выяснение их вещественных инвентарей — тоже. Не говорю о фотографировании. Может быть, возникнет предложение доводить бровку до сруба, а потом ломать ее. Но ведь в Новгороде более древние срубы, как правило, лежат непосредственно под более поздними. Бровки допустимы и необходимы лишь при плохой сохранности сооружений. Профили в Новгороде снимаются на стенках раскопов. Число профилей велико. Количество раскопов в Неревском конце уже достигло 30. Все они сомкнуты друг с другом, но новый раскоп закладывается рядом со старым лишь после снятия профилей.

Б. А. Рыбаков удивил меня своим заявлением, будто бы я «теперь признал, наконец, что в разных местах толщина яруса разная» (стр. 144). Неужели я утверждал когда-нибудь что-нибудь иное? Могу привести цитаты из старых моих статей (в том числе те, которые приводил Б. А. Рыбаков в 1959 г.). Ограничусь одной, из статьи 1956 г.: «С расширением работ в 1952 г. обнаружились значительные различия в глубине залегания одного и того же яруса на разных участках»⁵. К этому можно добавить, что раскопки здесь начаты в 1951 г. и методика выявления яруса в тот год еще только устанавливалась. Поверхность раскопа ровная, и различия в глубине залегания ярусов обусловлены, конечно, только различиями в их толщине.

Б. А. Рыбаков повторяет свои заявления о потолочных засыпках, не отвечая на мои возражения и по этому вопросу (А., 113—114).

Особенно много Б. А. Рыбаков говорит опять все о том же рисунке 51 из статьи Б. А. Колчина, действительно неудачном и схематичном. Он заявляет даже: «Признавая его неудачным, А. В. Арциховский признает неудачной всю свою хронологию» (стр. 148).

Это неверно. Мои и Б. А. Колчина хронологические доказательства (даже в изложении Б. А. Рыбакова) никак не связаны с этим рисунком. Если его изъять, ничего даже в статье Б. А. Колчина не изменится (кроме

⁵ А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 16.

двух строк, посвященных ссылке на него). Никто даже не заметит его отсутствия. Б. А. Рыбаков уверяет, что «исторической расшифровке этого графика» Б. А. Колчин «посвящает четыре столбца». Нет, на указанных Б. А. Рыбаковым столбцах (в чем все могут убедиться) подводятся итоги тому, о чём автор говорит в предыдущем тексте; притом речь идет о датах находок.

В статье 1959 г. я, в опровержение тезиса Б. А. Рыбакова — «четкость ярусов в значительной мере является фикцией», привел цифровые таблицы, показав статистические закономерности распределения типов археологических находок по ярусам. Эти закономерности в разных раскопах совпали, хотя, как я подчеркивал, «подсчеты сделаны в разное время, разными сотрудниками экспедиции и, самое главное, на разных территориях» (А., 115). Весь смысл таблиц в этом совпадении. Но мой критик дает одну и ту же реплику на кривые и на цифровые таблицы, хотя эти два вида доказательств различны (они, впрочем, одинаково основаны на статистике). Ему из этих таблиц «ясно только одно». Этим одним опять оказываются даты появления и исчезновения типов (стр. 145).

Надо подчеркнуть, что особенностью культурного слоя Новгорода является обилие различных четко выраженных прослоек, хорошо читаемых в плане. Такими прослойками являются прежде всего настилы переулков и дворов. Они непосредственно соприкасаются с уличными мостовыми (т. е. с основой ярусов) и тянутся иногда на десятки метров в глубь квартала. Еще важнее (по своему обилию и горизонтальной четкости) многочисленные скопления щепы. Прослойки навоза остаются от хлевов и конюшен. На каждом шагу встречаются прослойки глины, песка, углей. Все это связывается с теми или иными ярусами. Наконец важными ориентирами для связи слоев с ярусами являются бревна, тесины и палки. Именно эти прослойки позволяют привязывать уровни, значительно отстоящие от улиц, к уровням уличных мостовых, устанавливая ярусы.

4. Палеографические вопросы. Значительную часть статьи Б. А. Рыбакова составляют палеографические соображения. Иллюстраций к ним нет. Заменой рисунков никак не могут служить изображения букв, вставленные Б. А. Рыбаковым в строки набора. При двукратном перечерчивании от руки, уменьшении и отливке элементы искажения здесь неизбежны. Подобная техника применима только тогда, когда не требуется особой точности изображений.

Даю рисунки тех букв, на которые ссылается Б. А. Рыбаков, притом не образцы, а полные комплекты. Мне пришлось в этой статье взять на себя труд иллюстрировать его статью. Все буквы из книг, на которые он ссылается (Я. И. Трусевич, В. Н. Щепкин), воспроизведены мною во избежание недоразумений фотографически.

Начинает Б. А. Рыбаков со своих соображений о грамоте № 108, не имеющих никакого отношения к новгородской хронологии, да по существу и к палеографии вообще.

Большое значение мой критик придает «запаздыванию берестяной графики по сравнению с пергамено-бумажной». Я этого запаздывания не отрицаю, я сам писал о нем во введении к изданию грамот 1955 г., приводя в виде примера буквы Н и И. Но могу только повторить свое тогдашнее заявление: «Однако это не искажает хронологию, поскольку буквы поздних форм встречаются в комбинациях с архаичными». Б. А. Рыбаков, очевидно, думает, что все буквы алфавита запаздывали на бересте равномерно. Нет, запаздывали только некоторые формы, главным образом те, которые процаратались труднее, чем написать чернилами. Иначе и не могло быть, ведь во многих случаях одни и те же люди писали на бересте и на пергамене. Сам Б. А. Рыбаков утверждает это об Онфиме (стр. 156).

Мой критик думает, что «недоучет запаздывания берестяной графики» приводил меня иногда «в противоречие с самим собой». Он называет грамоту № 69, которую по палеографическим признакам я отношу к XII в., а

по стратиграфическим — к XIII в. (стр. 152). Итак, он упрекает меня, что я не подгоняю палеографические даты к стратиграфическим. Совпадения дат обоего рода важны и в большинстве случаев устанавливаются. Но элементарная научная добросовестность заставляла меня указывать и неизбежные расхождения. Их мало, что очень важно. Иногда старше даты палеографические (грамота № 69 и др.), иногда — стратиграфические (грамота № 53 и др.). Я всегда такие редкие случаи отмечал в какой-то мере в ущерб своим выводам. Меньше всего я ожидал упрека за это. Для грамоты № 69 и Б. А. Рыбаков не указывает поздних палеографических признаков. Очевидно, здесь случайный архаизм почерка, что в виде исключения всегда возможно. Мой критик говорит дальше, что лингвисты относят эту грамоту к XIII в. Но ведь по нашей новгородской стратиграфии она тоже относится к XIII в., а об этой стратиграфии здесь идет спор.

Критик заявляет: «А. В. Арциховский, как я уже указывал в своей статье, иногда изобретает мнимые архаизмы» (стр. 152). Речь идет о двух признаках, которые я не «изобрел», а взял с должностными ссылками у авторитетных палеографов. Впрочем, по существу, я уже печатно ответил насчет этих двух признаков (А., 125).

Б. А. Рыбаков процитировал ряд моих слов из статьи 1959 г., а затем написал: «В первом варианте своей статьи, сданной мною в „Советскую Археологию“ и хорошо известном А. В. Арциховскому, я писал следующее...» (стр. 153). Следует большая цитата.

Это должно служить ответом на мои цитируемые им слова (о моем выступлении 3 марта): «Думаю, что это выступление было полезным, прежде всего для Б. А. Рыбакова, поскольку он теперь убрал свои палеографические аргументы» (А., 124). Но ведь мой критик только подтвердил эти слова. Да, конечно, напечатанный им теперь его текст 1959 г. был мне хорошо известен. Это именно те аргументы, которые он в первой статье убрал. Они действительно были только в первом варианте.

Затем Б. А. Рыбаков помещает свой пересказ протокольной записи выступления М. В. Щепкиной по его докладу. Это должно опровергать мои слова: «М. В. Щепкина не назвала в своем выступлении ни одной буквы» (А., 125). Одна буква, судя по протоколу, была названа, а именно А, отнесенное к XIII в. Я этого не заметил. Но «одна» или «ни одной» — разница невелика. Форма буквы А у Онфима настолько индивидуальна, что не может, мне кажется, служить палеографическим аргументом. Не могу понять, зачем напечатан этот пересказ выступления. Наука требует доказательств, а их в таком пересказе нет и быть не может.

Теперь надо разобрать палеографические аргументы моего критика в том порядке, в котором они изложены. Все они связаны только со школьными упражнениями, найденными в 15-м ярусе. Автор хочет согласовать палеографическую дату с той датой (1263 г.), которую он усмотрел в грамоте № 206 (я утверждал для этих грамот другую дату, рубеж XII—XIII вв.).

Начинает он с грамоты № 201, которую неоднократно называет наиболее важной палеографически. Она принадлежит не Онфиму, а другому мальчику (в этом Б. А. Рыбаков прав, только к нашему хронологическому спору этот вопрос не имеет никакого отношения). Мой критик упрекает меня, что я не опубликовал эту грамоту в своей статье 1957 г. (стр. 163). Но в той маленькой статье были опубликованы только грамоты, интересные по содержанию (а здесь ничего нет, кроме азбуки и складов, не столь полных, как в грамоте № 199). Для полного издания грамота № 201 мною подготовлена.

Б. А. Рыбаков считает, что эта грамота содержит «наиболее ясные хронологические приметы» XIII в. Он имеет в виду только «сокращение верхов букв, общий подъем так называемой сигнальной линии» (стр. 152). Речь идет, очевидно, о буквах К и Ж. Буква В здесь архаична и симмет-

лична (о ней см. ниже). Верхи К и Ж действительно сокращены. Можно отметить архаичность других букв, особенно Б, З, Р, Ц, Ч, Щ.

Но эти сокращенные верхи двух букв ничем не помогут Б. А. Рыбакову. Правда, как ниже говорится, в XI—XII вв. встречаются симметричные буквы К и Ж, состоящие из двух примерно равновеликих половинок. Но ведь наряду с этим уже с XI в. бытовали сокращенные верхи. Я приведу буквы именно из часто цитируемого Б. А. Рыбаковым свода Я. И. Трусевича. Напрасно он, постоянно привлекая этот свод, рассматривает там

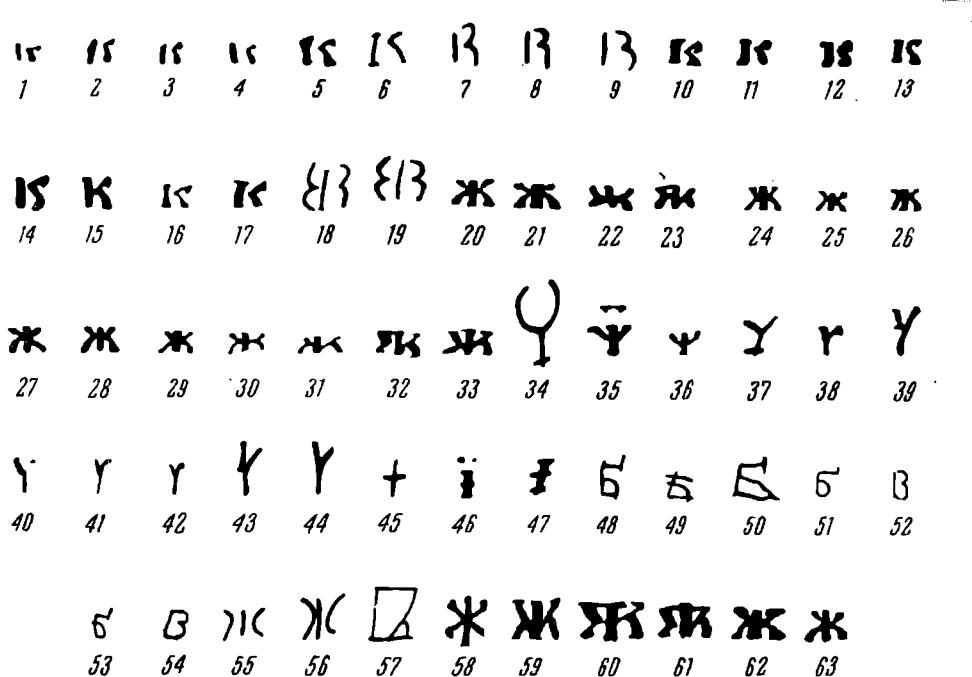

Рис. 1. Буквы из книг и грамот на пергамене и из грамот на бересте

1 — 1096 г.; 2, 3 — XI в.; 4 — 1144 г.; 5 — 1160 г.; 6 — грамота № 201; 7—9 — грамота № 199; 10 — 1260; 11, 12 — 1264 г.; 13 — рукописание Клименты; 14, 15 — 1270 г.; 16 — 1282 г.; 17 — 1283 г.; 18, 19 — грамота № 199; 20, 21 — 1260 г.; 22, 23 — 1264 г.; 24—26 — рукописание Клименты; 27, 28 — 1270 г.; 29—31 — 1282 г.; 32, 33 — 1283 г.; 34 — грамота № 206; 35 — 1260 г.; 36 — 1282 г.; 37 — грамота № 203; 38 — 1260 г.; 39, 40 — 1264 г.; 41, 42 — 1273 г.; 43, 44 — 1283 г.; 45 — грамота № 200; 46 — 1284 г.; 47 — 1096 г.; 48 — 50 — грамота № 199; 51, 52 — грамота № 201; 53, 54 — грамота № 200; 55, 56 — грамота № 199; 57 — грамота № 204; 58 — В. Н. Шепкин, стр. 99, строкка 5, знак 4; 59 — там же, знак 6; 60 — там же, знак 7; 61 — там же, знак 8; 62 — 63 — 1271 г.

только буквы второй половины XIII в., которая ему нужна. Даю по этому своду изображения букв К из ранних русских рукописей. Первая имеет дату 1096 г., вторая и третья не имеют точных дат, но тоже относятся к XI в. (столбцы 14 и 18), четвертая имеет дату 1144 г., пятая — 1160 г. (рис. 1, 1—5). Сходство с буквой К «другого мальчика» (рис. 1, 6) очевидно. Можно привести и другие примеры букв К и Ж с сокращенными верхами, но, пожалуй, хватит.

Мой критик приводит свои старые аргументы 1959 г. Начинает он со слов: «ряд букв дает широкую дату XII—XIII вв.». Зачем об этом сказано, неизвестно. Дальше говорится о десятиричном «і» в виде крестика. На это я уже в свое время ответил, так как в своей первой печатной статье Б. А. Рыбаков сохранил из своих палеографических аргументов только этот. Ниже я коснусь его возражения на мой ответ.

Сказано о «своебразном усложненном написании букв К и Ж» у Онфима. Желая поместить Онфима во вторую половину XIII в., мой критик ссылается для этого (по Я. И. Трусевичу) на буквы К и Ж из нескольких книг этого времени (1260, 1264, 1270, 1282, 1283 гг., а также на рукописи Клименты).

С таким же успехом можно было сослаться на любую печатную книгу ХХ в. У Онфима дуги указанных К и Ж загнуты вовнутрь (рис. 1, 7—9 и 18, 19). Во всех названных пергаменных книгах и грамотах (привожу фотографии букв из свода Я. И. Трусевича, которым пользовался Б. А. Рыбаков) вместо этих дуг имеются линии, загнутые наружу. Иногда Я. И. Трусевич берет из одной книги одно К или одно Ж, иногда — по два или по три. Воспроизвожу их все, потому что не знаю, какие буквы имеет в виду Б. А. Рыбаков (рис. 1, 10—17 и 20—33). Все равно сходства нет нигде никакого, хотя я точно следовал ссылкам моего критика. (Вс избежание недоразумений при проверке надо указать, что на документ 1264 г. Б. А. Рыбаков случайно сослался дважды.)

Дальше сказано, что «буква пси грамоты № 206 близка по начертаниям к буквам Трефология 1260 г. и Новгородской Кормчей 1282 г.» (тоже по Я. И. Трусевичу). Как я в своей статье 1959 г. показал, здесь не пси, а Ч (рис. 1, 34). Но об этом ниже. Однако для палеографии сейчас это почти безразлично. Буква Онфима (обычное раннее бокаловидное Ч) имеет загнутые во внутрь края чашечки. Такие края встречаются не только на бересте, но и на пергамене. Но, как на грех, в упомянутом Трефологии и упомянутой Кормчей нет ничего подобного (рис. 1, 35, 36). В Трефологии края даже изогнуты наружу. Да и общие пропорции совсем не те. Данному Ч можно указать ряд ранних аналогий. Но пойдем навстречу Б. А. Рыбакову и предположим (вопреки фактам), что здесь пси. Все равно более похожее (хотя тоже не аналогичное) пси у Я. И. Трусевича относится к 1207 г.

Наконец, сказано: «начертание У в виде игрека встречено в книгах 1260, 1264, 1273 гг.». Опять неверная ссылка. У Онфима действительно какие-то строчные игреки, очень индивидуальная форма (рис. 1, 37). Указанные Б. А. Рыбаковым у Я. И. Трусевича У (рис. 1, 38—42) — обычные асимметричные У с развиликой, имеющие наверху крючок, встречающиеся с XI до XV в. (конечно, были и другие формы этой буквы, полезные для дат, но тех здесь нет). Довольно близкая аналогия этому У в виде игрека, впрочем, имеется у Я. И. Трусевича, но она относится к 1215 г. (рис. 1, 43, 44). Я указал ее Б. А. Рыбакову на заседании, теперь он упомянул ниже эту букву (стр. 156), однако она соответствует не его дате Онфима, а моей.

Мой критик переходит к разбору моих палеографических аргументов. Десятичное і в виде крестика (у Онфима, рис. 1, 45) он сначала относил на пергамене ко времени не ранее все той же второй половины XIII в. (стр. 153), ссылаясь на румынскую рукопись 1282 г. и русскую 1284 г. (рис. 1, 46). Я указал ему на такую же букву (А., 124) в книге XI в. (1096 г., рис. 1, 47). Теперь он говорит обо мне: «не считает ли он, что имеют доказательную силу его слова „нет никаких оснований думать, что на бересте ее стали применять позже“» (стр. 154). Следуют ссылки на четыре берестяные грамоты XIII—XV вв. Здесь мой критик (как и в вопросе о стеклянных браслетах, бусах и т. д.) обнаруживает недооценку этого значения, которое в науке имеют количественные критерии. Формы букв на пергамене и на бересте были взаимосвязаны, что признают все, в том числе Б. А. Рыбаков. Отдельные формы на бересте датируются позже, но, чтобы это утверждать, надо всегда иметь большое количество находок, иначе выводам мешает элемент случайности. Значение четырех грамот здесь равно нулю. Данная форма вообще слишком редко встречается для палеографических выводов, они ведь всегда должны быть хорошо обоснованы статистически. Но Б. А. Рыбаков все же утверждает, что даже на пергамене эта форма стала «типичным явлением только в XIII—XV вв.» (стр. 154). Для этого он опять ссылается на Я. И. Трусевича. Но и у него он мог указать лишь четыре рукописи. Однако на этом основании он употребляет слова «типичное явление».

Наш критик пытается опровергнуть мое утверждение, что у Онфима

«петли Б, Ъ, Ъ и т. п. еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли; это признак XI—XII вв.». Б. А. Рыбаков утверждает противоположное. Он говорит, что в грамоте № 199 «в азбуке Б и Ъ с набухшими петлями, Б в слоге „бе“ — тоже» (стр. 155). Приходится привести именно указанные моим критиком буквы (рис. 1, 48—50; ерь здесь похоже на ять). Каждому ясно, что эти Б и Ъ предельно геометричны для бересты. Их дуги настолько правильны, насколько это вообще возможно без применения циркуля. На бересте дуги рисовать трудно, однако петля Б здесь является идеальной четвертью круга, поскольку это мысленно в письме, да еще берестяном. Петля Б в слоге «бе» растянута вдоль, и края ее изломаны; этот случайный и единичный дефект письма никак не похож на набухшие петли, хорошо известные в палеографии. Они всегда приподняты вверх.

Затем речь идет о грамоте № 201, принадлежащей не Онфиму, а «другому мальчику». Здесь Б. А. Рыбаков пишет: «у Б и В петли утратили всякую геометричность (хотя у Ъ и Ъ еще сохранили ее)» (стр. 155). Нет, и это неверно (рис. 1, 51, 52). Дуговидные петли Б и В ничего общего не имеют с набухшими петлями, которые в изданных мною поздних берестяных грамотах исчисляются тысячами. Здесь перед нами опять круговые сегменты, т. е. геометрические фигуры, наиболее типичные для архаичных петель Б и В. Наконец, Б. А. Рыбаков пишет: «В грамоте № 200 петли у Б и В округлы, и о них никак нельзя сказать, что они сохранили геометрическую форму» (стр. 155). В том-то и дело, что они опять округлы (рис. 1, 53, 54), а набухшие петли XIII—XV вв. никогда не бывают такими. Конечно, отдельные уклонения от строгой геометричности при письме неизбежны, но мой критик ни одного серьезного уклонения найти не сумел и тем самым только подтвердил мой критикуемый им вывод. Я нарочно даю рисунки только тех букв, на которые он сослался, хотя можно было бы привести рисунки и других геометрических букв.

В итоге позволю себе напомнить, что круг и круговой сегмент тоже являются геометрическими фигурами. Однако мой критик называет геометрическими петлями (стр. 155) только прямолинейные (треугольные) петли Ъ и Ъ в грамоте № 201 (треугольных петель я поэтому не касаюсь, а они у Онфима тоже обычны). В. Н. Щепкин говорит, что в XIII в. «нижние петли букв, ранее окружные или треугольные, становятся негеометричны»⁶. Палеографы знают, что круглые (т. е. ограниченные дугами круга) и треугольные петли одинаково геометричны.

Следующий мой аргумент: «Верхние части В, К, Ж еще не сокращены, это говорит о тех же веках». Б. А. Рыбаков отвечает: «Мне крайне неудобно отвечать А. В. Арциховскому на это его утверждение, так как я вынужден указать на его отклонение от истины» (стр. 155). Мой критик употребляет такие обороты речи, хотя возражений у него по существу нет. Ведь он назвал здесь только (да и то с ошибками, см. ниже) пять букв Ж и две буквы К, у которых верхняя часть меньше нижней. В XIII в. верхние части сокращаются, как правило. Для отдельных рукописей это типично уже в XI—XII вв. (см. выше). Но равновеликость частей является ранним признаком.

Однако особо надо отметить, что Б. А. Рыбаков сослался на две буквы Ж в грамоте № 199 (рис. 1, 55, 56). Это архаичная форма Ж «в три взмаха», о которой я говорил особо (см. ниже). Искать здесь равновеликость верхней и нижней частей нельзя, потому что буква вообще не делится на эти части. Во всех учебниках эта форма подробно описана как признак XI—XII вв. (ссылки на них для нее даны мною в статье 1959 г.).

Дальше Б. А. Рыбаков называет две буквы Ж и одну букву К из грамоты «другого мальчика». Об этих буквах он уже говорил раньше (см.

⁶ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 102.

выше), и говорил только то же самое. Зачем же повторяться? Впрочем, я готов зачесть их дважды, это ничего не изменит.

Остаются у Онфима одна буква Ж и одна буква К. Для полной ясности надо сказать, что у Онфима буква В встречена 17 раз, буква Ж — 12, буква К — 15. Значение указанных Б. А. Рыбаковым редчайших и неизбежных при писании исключений (одно Ж и одно К) равно нулю. Однако по этому поводу он пишет об «отклонении от истины».

Следующий мой аргумент: «несколько раз в три приема написано Ж, что типично для XI—XII вв.». Этот аргумент почему-то не разобран и даже не упомянут Б. А. Рыбаковым, хотя он пытался (как только что показано) построить на данной форме свои оригинальные и неверные выводы.

Дальше я писал: «середина омеги еще высока, что является признаком скорее даже XI в., а для XII в. лишь пережитком». Ответ Б. А. Рыбакова здесь совсем неожиданный (стр. 155). Он указывает такую омегу в рукописях XIV и преимущественно XV в. Но ведь это общеизвестно. Мой критик сослался здесь на омеги в рисунках к учебнику Л. В. Черепнина. В тексте этого учебника стоило прочесть: «Буква омега в XI столетии в большинстве случаев имела высокую середину, в XII столетии появляется новый тип омеги с сокращенной серединой». «В конце XIV—XV вв. вместо омеги с сокращенной серединой была восстановлена омега с высокой серединой»⁷. То же самое подробно рассказано в упоминавшемся учебнике В. Н. Щепкина, который показал, что восстановление этой формы вызвано югославянским влиянием⁸.

Затем я писал: «характерно Ч, оно еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом; такие бокальчики типичны для XI—XII вв.». Даже этот общеизвестнейший палеографический признак Б. А. Рыбаков пытается отвергнуть. Он ищет пережитки. Предвидя это, я писал в своей статье: «Конечно, в палеографии общепризнано, что любая ранняя форма может в виде исключения встречаться в поздних рукописях. Но здесь при таком обилии ранних признаков нет ни одного позднего» (А., 125).

Однако предпринятые Б. А. Рыбаковым поиски пережитков дали скучные результаты (стр. 155). Он указал для XIII в. «три Ч в форме бокальчика» в учебнике Л. В. Черепнина. Но в указанной таблице только одно такое Ч (четвертое в строке). Второе (пятое в строке) имеет квадратную головку, а третье (первое в строке) асимметрично, что, как известно, поздний признак. Затем мой критик ссылается на якобы бокаловидные Ч у Я. И. Трусевича (конечно, только для второй половины XIII в.). Названы всего три рукописи. Все эти Ч имеют сравнительно поздние очертания, достаточно прямолинейные. Здесь нет тех плавных закруглений, которыми увенчаны бокаловидные Ч XI—XII вв., приведенные в изобилии тем же Я. И. Трусевичем и всеми другими палеографами. У Онфима все Ч именно таковы.

Вот каковы возражения, выдвинутые Б. А. Рыбаковым против моей палеографической аргументации. Если употреблять такие возражения, ни одну рукопись нельзя признать ранней. Ведь мой критик отвергает по существу все палеографические признаки XI—XII вв. Особо подчеркну, что я никогда не относил Онфима к XII в. Речь с самого начала шла о рубеже XII—XIII вв.

Мой критик добавил затем еще несколько своих оригинальных соображений. Он заинтересовался буквой В в грамоте № 204 и счел ее тоже поздним признаком (стр. 156). Здесь верхняя часть буквы гораздо больше, чем нижняя, что резко противоречит правилу, принятому в поздних рукописях (рис. 1, 57). Мой критик думает, что у Л. В. Черепнина дано близкое «В только для XIII—XV вв.». В указанных таблицах у Л. В. Черепнина много В, но нет ни одного, которое было бы похоже на эту ориги-

⁷ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 159 и 243.

⁸ В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 100 и 118.

нальную и поэтому непригодную для палеографических выводов форму. Здесь есть некоторое сомнительное сходство с так называемым ступенчатым В. Но, если признать эту форму, грамоты Онфима придется поместить в XIV—XV вв., на что мой критик никогда не согласится. Дальше зачем-то опять идет речь о У в виде игрека. Не сказано ничего нового.

Затем мой критик пишет: «наибольший интерес представляют своеобразные начертания букв Ж и К» (стр. 156). Здесь опять повторение аргумента, на который я уже ответил выше. Он сослался теперь в дополнение еще на четыре Ж у В. Н. Щепкина и на два Ж у Я. И. Трусевича (из книги 1271 г.). Привожу эти буквы (рис. 1, 58—63), чтобы читатели могли убедиться, что ничего общего с буквами Онфима (рис. 1, 18, 19) опять нет.

Междуд прочим, первую из букв, взятых Б. А. Рыбаковым у В. Н. Щепкина в доказательство поздней даты (рис. 1, 58), сам В. Н. Щепкин относит в той же книге к XI в. Но такие частные ошибки не имеют особого значения после тех ошибок, о которых была речь.

Вот и все палеографические соображения Б. А. Рыбакова.

Палеографически почерк Онфима (равно как и почерк «другого мальчика») относится, таким образом, к XII в. Я всегда до сих пор относил Онфима к рубежу XII—XIII вв. Теперь дендрохронология заставляет отнести его к первой трети XIII в. (но никак не ко второй половине). Некоторый незначительный архаизм детского почерка надо признать естественным. Мальчик срисовывал буквы, которые ему показывали в школе учитель. Школа во все времена и у всех народов была хранительницей консервативных норм языка и письма. Только став взрослыми молодыми людьми, бывшие школьники могли модернизировать и модернизировали свои почерки. Дендрохронологическая поправка, впрочем, касается совсем незначительного промежутка времени, который не может быть выявлен средствами палеографии. Эта наука имеет дело со сравнительно большими эпохами.

В заключение своего палеографического раздела автор возвращается к дате на грамоте № 206 (стр. 157). Он сам пишет (стр. 141), что именно чтение этой даты заставило его начать большую работу по пересмотру новгородской хронологии. Букву Ч он и теперь называет пси, хотя все читатели видели на макрофотографии (СА, 1959, № 4), что под тонкой трещиной, смутившей моего критика (она видна и на упомянутой им фотографии 1956 г.), никак не могла исчезнуть маичта пси (достаточно взглянуть на толстые линии буквы на той же макрофотографии). Букву С он и теперь называет О, хотя резкие различия между С и О ясно видны на изданных тогда же мною макрофотографиях и описаны в моей статье. Мой критик добавил теперь только одну фразу: «Некоторое сходство этой буквы с буквой С (знак сотен) объясняется дефектами бересты» (стр. 157). Это добавление мне полезно. Такое объяснение Б. А. Рыбаков выдвигал в споре на заседании, но в своей первой статье из осторожности снял, и я не мог тогда на это печатно ответить. За дефект бересты он принял черту, не ощущимую даже на ощупь. Она видна на фотографии (что и смутило моего критика), но это только граница между поверхностью большей части грамоты и той ее частью, где был содран лишний тончайший клиновидный слой бересты. Толщина этого порога (и тем самым толщина содранного слоя) измерена. Она составляет от одной до двух сотых миллиметра. Такая черта не могла помешать написанию любой буквы. И действительно, на ней поместились двадцать букв совершенно правильных (см. изданную фотографию, СА, 1957, № 3). Среди этих букв два С (об одном из них идет спор) и одно О. Макрофотографии всех этих букв мною нарочно изданы (СА, 1959, № 4), читатели могли убедиться в их правильности и в бесспорных между ними различиях. Любопытны роковые случайности, предполагаемые моим критиком: все

буки грамоты № 206 целы (а это сотни штрихов) и только две, которые ему нужны, испорчены, одна якобы трещиной, другая якобы дефектом бересты. Но когда речь идет о дате, которую он прочел у Онфима, Б. А. Рыбаков обходится без доказательств. На мои возражения (А., 125, 126) он и тут не отвечает.

5. Мелкий вопрос. Приходится подробно коснуться мелкого вопроса о топографии пожара 1340 г., поскольку Б. А. Рыбаков придал ему теперь особенно большое значение, желая уличить меня в непозволительных полемических приемах (о всех других поднятых им с той же целью вопросах пришлось уже попутно говорить выше, в связи с более важными темами).

Сначала он заявляет обо мне: «это не пожар остановился у Якова, а наш автор решил здесь поставить точку посреди фразы» (стр. 159). Зачем это написано? Ведь пожар, начавшийся у церкви Федора, все-таки остановился у церкви Якова, если говорить о Неревском конце, а о нем здесь идет речь. Ведь в цитируемом Б. А. Рыбаковым тексте после слов «до святого Якова» сказано: «а семо и до Чюдинцеве улицы». Здесь указано совсем другое направление пожара, эта улица находится в Загородском конце. Другие места летописного текста тоже говорят о других районах. Сам Б. А. Рыбаков дальше признает церковь Якова северным пределом пожара (восточный предел он указывает неверно, о чем ниже). Значит я имел право поставить точку.

Мою тенденцию он видит в том, «чтобы любыми средствами преуменьшить масштабы пожара 1340 г. и спасти Б. А. Колчина» (стр. 160). Совершенно мое это не было нужно, ведь я подробно доказывал (А., 111), что пожары, даже большие, не сплошь выжигали большие районы и не всегда прослеживаются стратиграфически. Район раскопок мог сгореть в 1340 г., мог и не сгореть, летопись сама по себе недостаточна для решения таких вопросов. Ничего иного я не доказывал.

Я показал в своей статье, что Б. А. Рыбаков на своем плане пожара неправильно провел стрелки (их надо было вести от церкви Федора, у которой пожар начался) и соединил церкви Федора и Якова не прямой линией, а сложно изломанной, проведя ее через место раскопок. Мой критик отвечает: «Так вот пусть читатели знают, что злополучная стрелка от улицы Розважи на север к церкви Якова идет от церкви Сорока мучеников» (стр. 159). Но зачем ее вести от Сорока мучеников? Однако рассмотрим снова этот план (Р., 94). Там стоят названия многих церквей, однако Сорок мучеников не названы. Еще больше там крестиков, означающих церкви. А «злополучные стрелки» идут от места, где даже поблизости нет ни названия, ни крестика. Это место находится на Розваже улице, что отмечено и в цитированной фразе (из новой статьи моего критика). Церковь Сорока мучеников источники помещают на Щерковой улице (1-я Новгородская летопись под 1397 г., 3-я Новгородская летопись под 1541 г. и т. д.), или на Яневой улице (опись 1615 г.). Она находилась, таким образом, между этими двумя улицами, т. е. совсем в другом месте.

Но суть этого спора, как правильно подчеркивает Б. А. Рыбаков, заключается в определении восточной границы пожара в Неревском конце. Мой критик считает, что такой границей был Волхов, иначе нельзя доказать, что был захвачен район раскопок. Это видно и на том же плане. Я в своей статье показал, что за Волхов, вопреки обозначениям на плане, огонь перешел, по словам летописи, не из Неревского конца, а из города, т. е. из Кремля, через мост, «тем более что там погорел тогда не Плотницкий конец, а Славенский (против Неревского конца лежит Плотницкий)» (А., 112). Мой критик согласен теперь, что «Славенский конец до Федорова ручья был запален огнем города — Кремля» (стр. 160), но он считает, что огонь Неревского конца сжег Плотницкий.

Единственным для него основанием послужили слова летописца о пожаре церкви Бориса и Глеба на Подоле. Он отождествляет почему-то эту церковь с церковью Бориса и Глеба в Плотниках, стоящей доныне на старом месте. По-видимому, он думает, что в древнем Новгороде не было других церквей во имя этих князей. Нет, были и другие, одна из них здесь важна.

«Подол, по словам автора, составлял северную часть Плотницкого конца» (стр. 160). Это никак не обосновано, это противоречит топографии пожаров 1371 и 1442 гг. (по 1-й Новгородской летописи). В 1371 г. «бысть пожар с Ильине улицы в Плотничькии конец, и Подол весь погоре, и конец до Килавои улицы». Ильина улица находилась в Славенском конце (лежавшем к югу от Плотницкого). Сгорела часть Плотницкого конца (начиная с юга), а Подол сгорел весь. В 1442 г. «бысть пожар в Плотничьском конце: загореся от Щитной улице мая в 4, и погоре половина Конюховы улице и Запольская вся, и за город перешед, погоре до Оntonova манастиря». Здесь горит то, что Б. А. Рыбаков называет Подолом. Это северная часть Плотницкого конца. Церковь Бориса и Глеба в Плотниках источники помещают или на Запольской улице (опись 1615 г.), или на Конюхове улице (Описание соборов XV—XVI вв.). Однако термин Подол употреблен не здесь. Продолжу (не пропуская ни слова) цитирование текста 1442 г.: «И пакы, того же месяца мая 11, на память священномуученика Мокия, загореся на Подоле, и бысть пожар лют и пакости людем много, и церквии каменных огоре 12, и христианских душъ бог весть колко погоре, и конец весь погоре до святого Георгия, и ту преста на Лубянице». Конец весь сгорел в два приема: сначала северная часть,

а потом южная, что подтверждается упоминанием церкви Георгия и Лубяницы. Да и в летописном рассказе 1340 г., который цитирует Б. А. Рыбаков, северной границей пожара Торговой стороны ясно назван Федоровский ручей, протекавший гораздо южнее тех мест, которые Б. А. Рыбаков называет Подолом.

Однако вернувшись к церкви Бориса и Глеба. В описании пожара 1311 г. (в той же летописи) такая церковь названа рядом с церквями, находившимися к югу от Федоровского ручья (Дмитрий, Георгий и другие). Но наиболее ясное топографическое указание дает «Описание семи Новгородских соборов»⁹. Оно датируется концом XV или началом XVI в. Там сказано: «Конец Лубянки и Георгии святыи, да предел Козма Демьян, да Борис и Глеб. Да Борис и Глеб на Погребище. Да Клемент святыи на Иворове улице, Троица на полатех. Да на Рогатици Евлатеи святыи, на полатех Богоявление. На Славкове улицы Дмитреи святыи, на полатех Усекновение Предтеча да Борис и Глеб». Итак, Борис и Глеб на Погребище находился между Георгием и Климентом. Церкви Георгия, Климента и Дмитрия стоят доныне на старых местах, они все находятся на одной прямой линии, на современной Московской улице, возникшей в XVIII в. Все они (тем самым и Борис и Глеб) находятся к югу от Федоровского ручья, в полном соответствии с летописным рассказом 1340 г.

Можно добавить, что слово «Подол» в топографии древнерусских городов означало низменную местность. Борис и Глеб в Плотниках всегда стоял на возвышении. А Борис и Глеб на Погребище стоял именно в древней ложбине¹⁰.

В заключение приходится коснуться вопроса о тоне моей статьи 1959 г., ведь об этом подробно говорит Б. А. Рыбаков.

Сначала он пытается уличить меня в самовосхвалении. Для этого процитированы три фразы (стр. 157). В первой из них при всем желании можно усмотреть только похвалу Б. А. Колчину, во второй — упрек Б. А. Рыбакову. Третья такова: «Мои напечатанные хронологические аргументы по данному вопросу уже исчисляются сотнями». Но ведь непосредственно за этим сказано: «Вероятно, там имеются ошибки» (А., 125).

Затем мой критик жалуется на мою грубость. Читатели могут сами разобраться, кто из нас внес недопустимый тон в полемику.

Б. А. Рыбаков пытается затем доказать, что мои резкие отзывы несправедливы по существу. Поднят вопрос, «сумел ли А. В. Арциховский научно обосновать свое право на такой обличительный тон» (стр. 157). Этому посвящена заключительная часть статьи. Главные мои упреки он и там обходит. Он подбирает для своих ответов некоторые второстепенные и третьестепенные упреки. На все эти выбранные им примеры я ему уже выше ответил.

Статья Б. А. Рыбакова построена своеобразно. Выдвинутые им против меня обвинения (все они мною выше разобраны) приведены как правило, трижды: сначала просто, затем в итогах по главе, затем в итогах по статье. Это использовано для постепенного сгущения красок и усиления выражений.

Вводимые моим критиком методические приемы (обоснование хронологии на пожарах, недооценка хронологического значения вещевых находок, пренебрежение стратиграфическим значением раскопочных планов, замена объективных палеографических признаков недоказуемыми случайными аналогиями и т. д.) представляются мне неприемлемыми. Поэтому я взял на себя неблагодарный труд полемиста.

⁹ А. И. Никольский. Описание семи новгородских соборов. Вестник археологии и истории, вып. X, СПб., 1898, стр. 80.

¹⁰ И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода. СА, 1960, № 3, стр. 218 и 222.